

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Г. Вилліамъ.

НАШИ ЧЕТВЕРОНОГІЕ ДРУЗЬЯ.

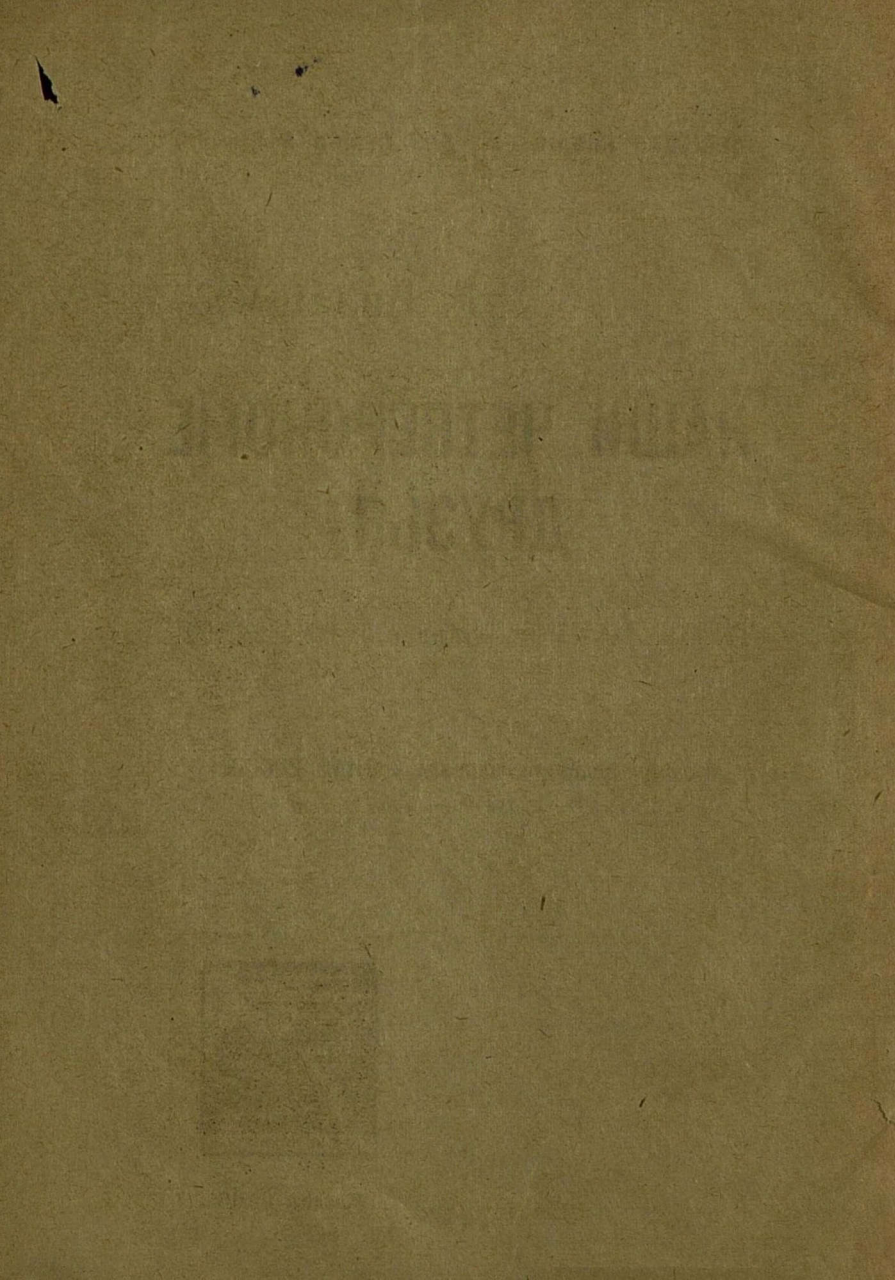
Разсказы для дѣтей средняго и старшаго возраста.

Изданіе редакціи журнала «ЮНАЯ РОССІЯ».

Москва, Большая Молчановка, д. № 18.

Москва. — 1918.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

В 453

Г. Вилліамъ.

НАШИ ЧЕТВЕРОНОГІЕ ДРУЗЬЯ.

Разсказы для дѣтей средняго и старшаго возраста.

Издание редакціи журнала «ЮНАЯ РОССИЯ».

Москва, Большая Молчановка, д. № 18.

Москва. — 1918.

5794

1967-68 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

662353 кх-регр

Российская государственная
детская библиотека

МОСКВА.

Типография К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер. д. 21.

1918

Ж е л т ы й.

Деревня Митянино была самая обыкновенная русская деревня. Стояла она на берегу узкой и красивой рѣчки. Позади осенью щетинились жнивья и зеленѣли изумрудные озимые. Поодаль темнѣлъ большой лѣсъ, опушенный съ краю кудравымъ орѣшникомъ.

Дома въ Митянинѣ были крыты „ильинскимъ желѣзомъ“; т.-е. соломой, и многіе изъ нихъ совсѣмъ вросли въ землю отъ ветхости. Въ напосадникахъ краснѣли гроздья хваченной первымъ морозцемъ рябины, а по срединѣ порядка избъ проходила дорога, покрытая грязью, которая исчезала только зимой.

Желтый жилъ въ Митянинѣ уже нѣсколько лѣтъ, и къ нему всѣ привыкли, хотя былъ онъ ничей. Самъ себѣ слуга и хозяинъ. Это была небольшая гладкошерстая собаченка изъ породы, такъ-называемыхъ, надворныхъ совѣтниковъ. И такъ какъ хозяина у него не было, онъ велъ кочующій образъ жизни: спалъ подъ однимъ домомъ, обѣдалъ въ другомъ. При этомъ успѣшность того и другого дѣла цѣликомъ зависѣла отъ того, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ. Когда же кто-нибудь изъ мужиковъ видѣлъ, что Желтый приноравливается зарыться въ его сѣно, чтобы отдохнуть на досугѣ, или подбирается къ погребницѣ, чтобы хоть что-нибудь промыслить закусить, то вмѣсто отдыха или ѣды получалась для Желтаго жестокая трепка.

Собственно и кличка Желтый была ему дана за то, что онъ былъ и въ самомъ дѣлѣ желтый. Маленькимъ пушистымъ, какъ комочекъ желтой шерсти, щенкомъ привелъ его отецъ пузатаго Ивана Гавриловича, лавочникъ, и прочилъ сдѣлать изъ него зубастаго, свирѣпаго пса. Для того онъ посадилъ желтаго щенка на толстую цѣпь, каждый день билъ и дразнилъ его до ярости и кормилъ сырою падалью. И такъ какъ лавочникъ этотъ былъ не только домовитымъ хозяиномъ, но и развитымъ человѣкомъ и каждый день прочитывалъ газету, то и кличку щенку онъ выдумалъ модную: „Мулай-Гафидъ“.

Пузатый Иванъ Гавриловичъ, четырехлѣтній лавочниковъ сынъ, былъ тоже солидный и домови-

тый человѣкъ. Ходилъ онъ въ розовыхъ брюкахъ навыпускъ и въ длинной суконной жилеткѣ и кормилъ щенка постоянно изъ собственныхъ рукъ. Вынесетъ ему корочку хлѣба и уже издали кричить:

— Хлѣба Мулайкѣ!

Мулайка скачетъ на цѣпи, цѣпь гремитъ во всю ивановскую, какъ веретено вертится хвостъ собаченки, а языкъ такъ и норовитъ лизнуть молодого хозяина въ самыя губы. И оба рады.

Все шло по-хорошему. Но вотъ однажды къ лавочнику пришелъ кумъ, урядникъ Жилкинъ, у котораго онъ сына крестилъ, и сказалъ, что земскій начальникъ велѣлъ его оштрафовать на три рубля за желтаго щенка. Лавочникъ опалѣлъ отъ испуга. А кумъ еще укорилъ его вдобавокъ:

— Голова садовая: Мулай—это персона, Мулай—генераль, статья можетъ, а ты собаку бездушную Мулаемъ прозвалъ... А еще кумъ!

Тогда отцу пузатаго Ивана Гавриловича стало такъ стыдно, что онъ опростоволосился и не оправдалъ свое званіе образованнаго человѣка, что онъ тотчасъ же спустилъ щенка съ цѣпи и вытолкалъ его со двора. И торжественно на вѣки вѣковъ отрекся отъ него въ виду всей „улицы“. Такимъ образомъ щенокъ сдѣлался ничей и вскорѣ изъ высокопарнаго Мулай-Гафида превратился въ скромнаго Желтаго.

Водился Желтый на деревнѣ больше съ ребятами, держалъ себя съ ними солидно и важно, какъ

старшій. И дѣти любили и уважали собаку. Съ взрослыми обитателями Митянина, которыхъ вся округа почему-то величала „митянинскими лѣвтя-ями“, у Желтаго были довольно натянутыя отношенія. Больше всего изъ-за подклѣтей да погребовъ, откуда Желтый добывалъ себѣ пропитаніе, да изъ-за житницъ и амбарушекъ, въ которыхъ онъ, по выраженію митянинцевъ, „тушилъ сѣно“. А многіе никакъ не могли простить ему его первоначальную кличку, и такъ какъ имя Мулай-Гафидъ не вполне еще достигло глубины народнаго сознанія, то, запуская въ собаку камнемъ или полѣномъ, бранились:

— У, басурманка проклятушная!

Ко всему этому надо прибавить, что помимо нѣкоторой непопулярности клички и наклонности брать чужое у Желтаго имѣлась еще одна страстишка: стоило ему увидеть корову, какъ онъ изъ степеннаго, разсудительнаго пса вдругъ превращался въ такого озорника, что злосчастной коровѣ приходилось улепетывать отъ него, поднявъ хвостъ кверху. И это еще больше портило его отношенія съ мужиками.

Рано утромъ спускался съ крылечка лавки пузатый Иванъ Гавриловичъ въ отцовскомъ картузѣ, въ розовыхъ брюкахъ и глухомъ жилетѣ. Въ рукахъ онъ торжественно держалъ громадный ломоть ароматнаго свѣжаго хлѣба. Аппетитно жуя, присоединялся онъ къ толпѣ другихъ ребятишекъ, выгнанныхъ матерями на улицу, чтобы не мѣша-

лись. И у каждого изъ нихъ былъ съ собой ломоть хлѣба, а по праздникамъ даже и пирога.

Желтый, помахивая пушистымъ хвостомъ, шелъ къ нимъ навстрѣчу. При этомъ почти каждый день разыгрывалась одна и та же исторія. Очевидно, по старой привычкѣ, какъ къ хозяину, собака съ самымъ невиннымъ видомъ приближалась къ пузатому Ивану Гавриловичу и деликатно брала у него изъ рукъ хлѣбъ.

Мальчуганъ отчаянно ревѣлъ и поднималъ кусокъ какъ можно выше. Но Желтый былъ выше его ростомъ и съѣдалъ достояніе Ивана Гавриловича, если тотъ не успѣвалъ сунуть его за пазуху. Добывать хлѣбъ оттуда Желтый никакъ не могъ наостриться. Онъ осторожно толкалъ пузатаго мальчугана носомъ въ животъ. Иванъ Гавриловичъ разомъ садился на землю и ревѣлъ до-сыта. А опечаленный Желтый отходилъ къ сторонкѣ, садился и умильно поглядывалъ на жующую дѣтвору своими умными глазами. Поѣвши, ребята отправлялись на рѣчку или въ лѣсъ, и Желтый съ веселымъ лаемъ скакалъ впереди всѣхъ.

Однажды въ свѣтлый осенній день, когда солнце свѣтило холодно и ярко и на желтыхъ, опавшихъ листьяхъ бѣлѣлъ охолодѣвшій иней, дѣти встрѣтились въ лѣсу съ другой собакой. Изъ густой чащи орѣшника на опушкѣ медленно вышелъ большой сѣрый песъ съ острымъ носомъ и большими ушами, сѣлъ на заднія лапы и спокойно и внимательно сталъ разсматривать ребятъ. Желтый куда-то

отсталъ, и компанія съ любопытствомъ сгрудилась вокругъ незнакомой собаки. Нѣсколько мгновений прошло въ бездѣйствіи. Потомъ пузатый Иванъ Гавриловичъ рѣшительно полѣзъ за пазуху за хлѣбомъ, собираясь употчевать новаго товарища и такимъ путемъ положить основаніе прочной дружбы.

Новый песъ былъ очень неказистъ собой, но необыкновенно самоувѣренъ и важенъ. Бурая, свалявшаяся клоками шерсть висѣла у него по бокамъ, и отъ него шелъ такой нехорошій запахъ, что пузатый Иванъ Гавриловичъ, не доходя до него, остановился въ нерѣшительности съ кускомъ въ рукѣ. Сѣрый песъ, не моргая, смотрѣлъ ему прямо въ глаза и слегка какъ-будто улыбался.

— Не робь, пузатый!—подбодряли Ивана Гавриловича ребяташки, подвигаясь ближе.— Поди, ему хлѣбца хочется...

Но Иванъ Гавриловичъ мало-по-малу оробѣлъ совсѣмъ, попятился назадъ и заревѣлъ въ голосъ. Отступили и другіе ребяташки. Изъ кустовъ орѣшника вышелъ Желтый и вдругъ подогнулъ хвостъ подъ самый животъ, сгорбилъ спину дугой, и шерсть на немъ встала дыбомъ, вся до послѣдняго волоска. Сѣрая собака на полянкѣ улыбнулась шире, хищно блеснувъ громадными бѣлыми клыками, и вскочила на всѣ четыре лапы разомъ, точно ее подкинуло вверхъ пружиной. Желтый завылъ, и всѣ ребята разомъ сообразили:

— Волкъ!

Съ крикомъ бросились дѣти кто куда. Въ воз-

духъ пронеслось долгое хныкающее рычаніе, визгъ, и мимо бѣгущихъ ребятъ, опережая, промчалась къ большому лѣсу сѣрая собака, унося на спинѣ желтую, болтавшуюся на бѣгу, какъ мѣшокъ.

Когда митянинскіе жители узнали объ участи Желтаго, то всѣ остались очень довольны. Собакѣ—собачья и смерть, извѣстное дѣло. И только лавочниковъ кумъ, урядникъ Жилкинъ, не утерпѣлъ, чтобы еще разъ не попрекнуть отца пузатаго Ивана Гавриловича:

— Вотъ тебѣ и генеральская кличка... А еще образованнымъ человѣкомъ считается... Тьфу!

Лавочникъ виновато опустилъ глаза. И только одна дѣтвора долго жалѣла своего Желтаго... друга.

Кренделюшка.

Кухарка Агафья только-что вымыла полъ у себя на кухнѣ, постелила около двери чистую рогожку для ногъ, повздыхала, поохала на боль въ поясницѣ, потомъ затеплила лампаду передъ образомъ и стала ставить самоваръ. Время было осеннее, на дворѣ стояла слякоть, и у Агафьи все время болѣло сердце за чисто-пречисто вымытыя бѣлыя половицы.

— Ты вотъ маешься день-денской то около плиты, то въ лавочку, то туда, то сюда, полы скребешь-моешь, а они ввалятся со своими сапожищами, и вся работа твоя пропала,—ворчала она себѣ подъ носъ.—Хоть сызнова мой.

Кухарка Агафья была женщина пожилая, хвора, на свою наружность совсѣмъ не обращала вниманія и ходила растрепой. А когда однажды ея баринъ отдалъ ей выбросить или продать татарину свой старый учительскій фракъ, она повернула его раза два на рукахъ, прикинула на свѣтъ, вздохнула и рѣшила:

— Зачѣмъ такую хорошую вещь татарину продавать? Сама изношу за милую душу.

И съ тѣхъ поръ она въ холодную погоду стала ходить во фракъ; только носила его не такъ, какъ ея баринъ, учитель гимназіи, а фалдами напередъ. Золотыя съ гербами пуговицы она отпоролла, положила въ коробочку и убрала въ сундукъ, гдѣ у нея хранилось много любопытныхъ вещей. На мѣсто пуговицъ нашила крючки, застегивала фракъ у себя на спинѣ, а фалды, сшитыя вмѣстѣ, замѣняли ей передникъ, и въ нихъ она носила то уголь изъ сарая, то картошку изъ погребицы. А такъ какъ она любила иногда выпить рюмочку и выпивши любила поплакать, то и слезы свои она утирала этими фалдами.

Жизнь Агафьи была тяжелая и грустная. Много натерпѣлась она обидъ отъ людей и отъ судьбы, и главная ея обида была та, что не на кого было ей излить любовь своего доброго сердца. Была Агафья совсѣмъ одинока.

И вотъ въ тотъ день, когда она вымыла полы и собиралась попить чайку, до котораго была большая охотница, Агафья съ удивленіемъ услышала,

что кто-то тихо скребется въ обитую клеенкой дверь кухни.

— Ужь не мышь ли, Царица Небесная! — всполошилась Агафья. — Не къ добру это, если мышь! Пойти, поглядѣть...

Но только-что она пріоткрыла дверь и высунула въ сѣни свой багровый, мясистый носъ, выглядывавшій съ любопытствомъ изъ-подъ надвинутого на лобъ платка, какъ въ кухню живо вскочилъ небольшой сѣрый котенокъ, какъ-то странно опутанный розовой ленточкой. Агафья ахнула:

— Святители-угодники! Да кто же это его такъ? Не иначе сибирные ребяташки-озорники!

Она взяла котенка на руки и принялась распутывать на немъ ленточку, опутавшую его пушистое тѣльце словно плеей. Распутала, поставила котенка на полъ, погладила и сказала:

— Ишь, ты какой гладкій, сибирный!.. Чей ты такой?

Котенокъ замурлыкалъ и сталъ тереться объ ея ногу, обутую въ шаршавый чулокъ и выглядывавшую изъ-подъ полы высоко подоткнутой красной юбки.

— Ъсть хочеть! — сообразила Агафья и, не спрашивая его дальше, налила ему въ блюдечко молочка, а себѣ въ большую рюмку водочки. Выпила, крикнула, утерла ротъ фалдой, грохнула на столъ тяжелый самоваръ и усѣлась за чаепитіе. Котенокъ нахлебался молока и, не долго думая, вспрыгнулъ на Агафьину кровать.

— Вишь какой храбрый,—съ удовольствіемъ рѣшила Агафья.—Видно, ничей котъ, ну, и пусть себѣ у насъ остается: не объѣсть. Такъ и барину скажу: не объѣсть да еще и мышей будетъ ловить... когда въ разумъ войдетъ. А если будетъ гадить, такъ я его, сибирнаго, хворостиной...

Сладко спалъ котенокъ на жесткой Агафьиной кровати.

Такъ сладко, что баба даже всплакнула, глядя на него:

— Ни дать, ни взять, дите малое...

И тутъ же прозвала пришельца „Кренделюшка“, за то, что тотъ сладко спалъ, свернувшись сѣрымъ, пушистымъ кренделькомъ.

Вечеромъ, когда вернулся со службы учитель, такой же одинокій бобыль, какъ и его Агафья, кухарка подала ему обѣдъ и, подгорюнившись, стала около двери.

— Ты что?—поднялъ учитель голову, отрываясь отъ тарелки вкусныхъ, горячихъ щей, которыя мастерица была готовить Агафья.

— Квартирантъ у насъ новый, баринъ,—отвѣтила кухарка.

— Это еще что?—изумился учитель.

Агафья мигомъ вспыхнула, и лицо ея стало такимъ же багровымъ, какъ носъ. Потомъ поднесла фалду къ глазамъ и сказала:

— Сироту легко обидѣть. Но только въ такомъ случаѣ я вамъ больше не слуга. Пожалуйте раз-

счесть, ежели Кренделюшкѣ жить не позволите... Много-ль ему надо? Не объѣсть...

Баринъ вытаращилъ глаза. Сначала подумаль, не спятила ли Агафья съ ума. Но та мигомъ слетала въ кухню и принесла въ подолѣ своей ливреи спящаго Кренделюшку.

Понявъ въ чемъ дѣло, учитель расхохотался и даже пригласилъ котенка пообѣдать вмѣстѣ съ собой. Умиленная Агафья такъ и просіяла.

И зажилъ Кренделюшка на хлѣбахъ у Агафьи. Спаль то на диванѣ, то на письменномъ столѣ учителя, то для разнообразія забирался на рѣзной буфетъ въ столовой, больше же всего любилъ дремать на шесткѣ у печки и поэтому ходилъ всегда чумазымъ, какъ угольщикъ. Агафья скрѣпя сердце прощала ему на первыхъ порахъ даже тѣ маленькія погрѣшности, которыя онъ то-и-дѣло оставлялъ на чисто вымытыхъ бѣлыхъ половицахъ кухни. За хворостину взяться ей и въ голову не приходило, но котенокъ и самъ скоро началъ проситься за дверь, когда ему было надо. Посмотрить Агафѣ въ глаза, подойдетъ къ двери и пѣвуче пискнеть:

— Мяу!

Агафья души въ немъ не чаяла. Когда же Кренделюшка подросъ, онъ сталъ узнавать ея голосъ и походку. Вытянувъ кверху свой пушистый хвостъ, онъ съ важнымъ видомъ провожалъ ее черезъ улицу въ мясную. Баринъ тоже привыкъ къ чистенькому, ласковому сѣрому звѣрьку.

Подошла зима. Вставили вторыя рамы въ квартирѣ, Агафья надѣла валенки и не вылѣзала изъ своего ффрака, подбивъ его подъ атласную подкладку ватой. Кренделюшка сталъ выискивать мѣстечко, гдѣ потеплѣе, и по цѣлымъ днямъ не слѣзаль съ шестка. А однажды Агафья едва не зажарила его въ печкѣ, куда онъ забрался поспать.

Дѣло происходило какъ-разъ въ субботу вечеромъ въ кабинетѣ учителя, когда у него сидѣли гости. Агафья растопила печь, дрова запылали, заревѣло въ трубѣ пламя, какъ вдругъ изъ устья печи раздалось жалобное „мяу!“ и изъ огня и дыма махнулъ на средину комнаты опаленный Кренделюшка. Всѣ такъ и покатались со смѣху, а Агафья обидѣлась и въ первый разъ отстегала своего питомца хворостиною, которую выдернула изъ мерзлой метлы на дворѣ около дворницкой.

Все шло благополучно. Но вотъ однажды Агафья услышала въ сѣняхъ несосвѣтимый шумъ, лай, визгъ и фырканье Кренделюшки. Чужа недоброе, Агафья ухватила подвернувшуюся ей подъ руку желѣзную кочергу и выскочила въ сѣни. Сердце ея сжалось отъ ужаса, и она выпустила кочергу изъ рукъ. Ея воспитанника, на котораго она излила всю благостыню своего одинокаго сердца, кота Кренделюшку рвали въ сѣняхъ два прекрасные рыжіе сеттера, дорогіе псы домовладѣльца, а поодаль стоялъ мурластый, краснорожій дворникъ Никита и науськивалъ ихъ:

— Такъ, ѣшьте его, собаки! .

И хохоталь.

Агафья, какъ, она сама говорила впоследствии, „остамѣла“. Но мигомъ опомнилась, влетѣла въ кухню, схватила чугунокъ кипятку, и вскорѣ въ сѣняхъ послышался отчаянный визгъ жестоко ошпаренныхъ рыжихъ озорниковъ. Дворникъ Никита при такомъ оборотѣ дѣла далъ тягу, и вовремя: вслѣдъ ему полетѣлъ сначала котенокъ, а потомъ кочерга, за ней полѣно.

Рыдая, подобрала Агафья истерзаннаго котенка въ подолъ фрака, внесла въ кухню, уложила на кровать и завывала въ голосъ. Вернувшійся со службы учитель остался въ этотъ день безъ обѣда, а потомъ былъ вынужденъ пойти объясняться къ домовладѣльцу и за ветеринарнымъ врачомъ.

Двѣ недѣли пролежалъ Кренделюшка весь обмотанный бинтами и повязками, и Агафья ухаживала за нимъ какъ за больнымъ ребенкомъ, требуя, чтобы обязательно повѣсили виновныхъ собакъ. Понемногу котъ сталъ ѣсть и поправляться, а по мѣрѣ его выздоровленія стихалъ гнѣвъ бѣдовой кухарки. Когда же котенокъ совершенно оправился и въ первый разъ проводилъ ее въ мясную, она зазвала къ себѣ на кухню мурластаго дворника Никиту и изъ своихъ рукъ поднесла ему рюмку водки. И, когда онъ выпилъ, призналась:

— А вѣдь я, грѣшница, прости Царица Небесная, убить тебя хотѣла, Никитъ!

— Ну?! — ухмыльнулся дворникъ, потомъ доба-

вилъ: — Благодаримъ за угощенье, Агафья Семеновна.

Кренделюшка скоро превратился въ громаднаго, солиднаго кота, и только учитель, къ великому конфузу Агафьи, зоветъ его съ той поры „Соба-чій объѣдокъ“.

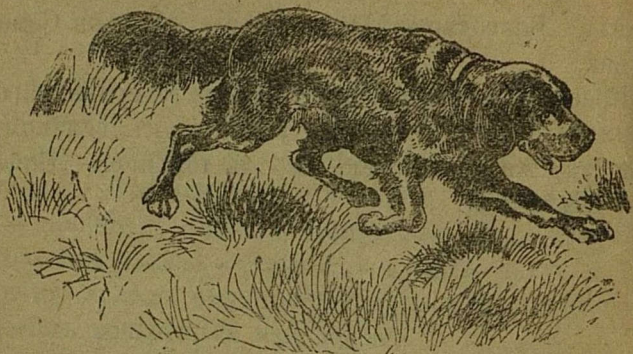

662353

Российская государственная
детская библиотека

2

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТМАСА

„Губила“.

Громадный песъ Губила отличался довольно-таки коварнымъ характеромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, отзывался о немъ охотникъ Антонъ Синій, на обязанности котораго возлежало кормить въ теченіе недѣли псарныхъ собакъ. По воскресеньямъ имъ корма не полагалось: въ этотъ день ихъ брали на охоту. Въ будни ихъ, впрочемъ, тоже только полагалось кормить, а давали-ли имъ ѣсть на самомъ дѣлѣ, это составляло профессиональную тайну Антона Синяго, у котораго вообще было много своихъ „охотничьихъ“ тайнъ.

Отъ конторы имѣнія собакамъ, на-ряду съ прочимъ „живымъ инвентаремъ“, выдавалось „положеніе“—по полтора пуда муки въ мѣсяцъ на каж-

дый „гонъ“, т. е. на каждый хвостъ гончей собаки, содержащейся на псарнѣ. Антонъ для краткости считалъ не самыхъ собакъ, а только ихъ хвосты, справедливо полагая, что двухъ хвостовъ у одной собаки не можетъ быть.

Каждое первое число Антонъ Синій надѣвалъ свой охотничій чекмень изъ тонкаго сукна, подпоясывался узкимъ ремешкомъ съ серебрянымъ наборомъ и шелъ въ амбаръ за „положеніемъ“.

— Поморишь ты барскихъ собакъ! — вздыхалъ ключникъ, отпуская охотнику муку. — Въдь, поди, опять пропьешь?!

Антонъ моталъ головой и коротко отвѣчалъ:

— Ни... Зачѣмъ я буду пропивать?

Потомъ съ громаднымъ мѣшкомъ за плечами плелся изъ воротъ экономіи. Куда—одному Богу извѣстно, но возвращался онъ всякій разъ изъ своихъ походовъ только на третій день и обязательно съ какимъ-нибудь крупнымъ изъясномъ. То синякъ красовался у него посрединѣ заросшей густыми черными волосами „пыки“, какъ онъ называлъ свое лицо, то клока бороды съ какой-нибудь стороны не доставало.

Провздохавъ послѣ такого похождения цѣлый день, бравый охотникъ тащился къ ключнику просить муки подъ будущее первое число.

— Ей же Богу, подохнуть господскіе псы! — сокрушался онъ, упрашивая ключника.

— Тю! — невозмутимо успокаивалъ его тотъ. — Подохнутъ—тоже скажетъ человѣкъ! Въ деревнѣ

они цѣлую зиму не ѣдятъ, а все по улицѣ пройти нельзя: такъ и норовятъ полу оторвать!

— Дай, вѣдь Божья тварь!—настаивалъ Синій.

Но ключникъ ничего не смыслилъ въ охотничьихъ дѣлахъ. Поэтому на все доводы онъ только ухмылялся въ свою рыжую бороду и, наконецъ, отрѣзывалъ:

— Ну, ладно, проваливай! Тебѣ дай, а ты опять въ кабакъ отнесешь...

— Въ кабакъ?!—оскорбленный до глубины души, Синій нахлобучивалъ свой войлочный бѣлый шлыкъ на голову и угрюмо уходилъ изъ амбара „до хаты“. По дорогѣ онъ заходилъ на псарню провѣдать своихъ „шпитоновъ“, какъ онъ величалъ собакъ.

Тощіе, съ сильно выдающимися ребрами, „шпитоны“ уныло склонялись по небольшому загончику. Коварный песъ Губила сидѣлъ себѣ въ сторонкѣ, стараясь не попасться на глаза охотнику. Однако, именно его то и нужно было Синему. Полюбовавшись нѣкоторое время на печальную морду голоднаго пса, Антонъ качалъ головой и укоризненно произносилъ:

— Бачите, яка тварь! Опять до конторы побѣжить: не кормить меня охотникъ, пане?! Анахвема, а не собака!

И, замахнувшись на хитраго пса, Антонъ шелъ высыпаться. А Губила, безъ сомнѣнія, думалъ:

„Дай срокъ, будетъ и на моей улицѣ праздникъ“.

Праздникъ на улицѣ Губилы былъ въ понедѣль-

никъ, послѣ воскресной охоты. Происходило это такъ.

Рано-рано утромъ въ воскресенье на псарнѣ появлялся Антонъ Синій, одѣтый въ чекмень, въ барашковую шалку, съ большимъ рогомъ и арапникомъ. Ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ и полосуюя правыхъ и виноватыхъ арапникомъ, онъ собиралъ гончихъ въ смычки, т. е. связывалъ ихъ своркой по три штуки, и передавалъ своему помощнику. Губилу же выгонялъ такъ, на свободѣ, какъ пса особеннаго, пользующагося особеннымъ расположеніемъ охотника.

Какъ только выпускали Губилу, по всему дому несся тревожный крикъ:

— Запирай окна!

Всюду хлопали окна и двери, но... трудно было спастись отъ изголодавшагося за недѣлю остроумнаго пса. Опрокинувъ двѣ — три кастрюли на господской кухнѣ, ухвативъ „шматокъ“ (кусокъ) сала или ковригу хлѣба въ людской застольной, Губила огромными скачками мчался за выѣхавшими впередъ охотниками. Вслѣдъ за нимъ сыпались палки и камни, и возмущенныя стряпухи выскакивали даже за ворота, возбуждая всеобщую веселость.

Больше всѣхъ въ подобныхъ случаяхъ радовался Антонъ.

— Вінъ подохнетъ?! — съ торжествомъ спрашивалъ онъ самого себя. — Та я и моя Хвекла, и діти наши скорѣе пропадутъ, чимъ та проклятая собака!

Съ лаемъ носился Губила по лѣсу, подымая золотистыхъ лисицъ, робкихъ зайцевъ, распугивая тетеревей да куропатокъ. То и дѣло нападая на слѣдъ, онъ до тѣхъ поръ не отставалъ отъ дичи, пока не пригонялъ ее подъ выстрѣлы охотниковъ. Но какъ только синія сумерки начинали опускаться на лѣсъ и далеко раздавался созывающій собакъ рогъ Антона Синяго, Губила куда-то безслѣдно исчезалъ.

— Нехай меня лихорадка возьметъ, — божился Синій, — если онъ опять не пошелъ съ волками жрать! Отто-жъ каторжникъ, такъ каторжникъ!

Позади усадьбы, въ глухой чащѣ лѣса, былъ оврагъ. Туда сваливали палыхъ лошадей и коровъ. Мѣсто это такъ и звали „Волчьей балкой“. Зимой въ этой балкѣ устраивали засады на волковъ. И вотъ, однажды, сидя на соснѣ и поджидая волковъ, Антонъ Синій увидѣлъ, что вмѣстѣ съ ними пожираетъ падалъ и Губила. Волки не трогали громадную собаку и мирно трапезовали съ нею вмѣстѣ.

Въ понедѣльникъ утромъ, когда для запертыхъ на псарнѣ разныхъ Соловьевъ, Бушуевъ, Затѣекъ и пр. „шпитоновъ“ Антона Синяго начинался постъ, нагулявшійся за ночь Губила являлся въ контору усадьбы и усаживался въ сѣнцахъ, какъ разъ противъ окошечка, изъ котораго обычно уплачивали жалованье рабочимъ экономіи. Тутъ онъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока ему не выносили изъ конторы краюху хлѣба. Сожравъ ее, Губила, опустивъ хвостъ, шелъ къ псарнѣ и давалъ себя запереть. До полу-

ченія хлѣба онъ не уходилъ, а выгнать его не рѣшались: Губила былъ песъ крупный и зубастый.

При этой церемоніи обычно находился и Синій. Вздыхалъ сокрушенно, покачивалъ головой и жаловался:

— Це песъ! Отъ то песъ! И откуда въ него такая подлость?

Но въ конторѣ, очевидно, знали, гдѣ раки зимуютъ и не придавали воздыханіямъ охотника никакого значенія. Даже еще потѣшались:

— Что, опять муку пропилъ?!

Въ отвѣтъ на это Синій снималъ свой шлыкъ, глядя на икону, что собаки сытыя и гладкія какъ кабаны, и звалъ всѣхъ на псарню.

— А Губила, — указывалъ онъ на своего обличителя, — такъ то самый наихитрый подлюка. Та разрази меня громъ, если онъ сегодня опять въ Волчьемъ логоу не былъ!

Зато ужъ и отводилъ себѣ Антонъ Синій душу, когда Губила сидѣлъ, наконецъ, за рѣшеткою, вмѣстѣ съ другими собаками! Отругавъ его всѣми ругательными словами, какія только зналъ, Синій шелъ на него жаловаться самому „пану“. Но тотъ тоже подымалъ охотника на смѣхъ, и Синій глубоко оскорблялся тѣмъ, что вотъ собакѣ вѣрятъ, а ему, крещеному человѣку, и не думаютъ.

Но вотъ однажды Антона Синяго экстренно потребовали въ контору.

Когда онъ явился, то увидѣлъ, что посрединѣ комнаты стоитъ самъ панъ, конторщики притаились

по угламъ, а въ углу, оцетинившись, какъ волкъ, прижался Губила.

— Здравствуйте вамъ,—вѣжливо, снявъ шлыкъ, поздоровался Антонъ.

Но панъ не отвѣтилъ на его привѣтствіе; блѣдный, съ закушенной губой, онъ метался по конторѣ и кричалъ:

— Удавить! Сейчасъ же удавить!

И тогда Синій увидѣлъ, что съ руки у барина капаетъ на полъ кровь.

Сходивъ за веревкой, онъ надѣлъ на шею собаки петлю и уже послѣ этого рѣшилъ замолвить слово за своего врага.

— Его,—онъ указалъ на Губилу,—невозможно удавить, пане. Изъ ружья—это я еще могу; но удавить—никакъ невозможно!

Тогда панъ залѣпилъ въ бородатую „пыку“ Сисиняго такую затрещину, что у того словно благовѣсть раздался въ ушахъ.

Антонъ не привыкъ къ такому обращенію. Онъ задумался.

— Эге!—выговорилъ онъ, наконецъ; потомъ, влоча на веревкѣ Губилу, вышелъ вонъ. И больше ни онъ, ни Губила въ экономію не возвращались. Въмѣсто всего этого пришла уже черезъ недѣлю Антонова „жінка“ Хвекла и рассказала, что ея „чоловікъ“, повидимому, „сѣхавъ съ глузду“, т. е. сошелъ съ ума.

— Сидить, якъ скаженный со своимъ пеомъ и морочить голову, — рассказывала баба. — Якій ро-

зумный бувъ мужикъ, а теперь — дітя мале! Тільки и каже, что: „шершъ“, та „дубо“...

Кончилась вся эта замысловатая исторія тѣмъ, что однажды въ базарный день появился въ „губерніи“, т.-е. въ губернскомъ городѣ, на площади мужикъ въ голубомъ чекменѣ, въ бараньей шапкѣ и серебряномъ поясѣ. За нимъ съ необыкновенно смиреннымъ видомъ тащился огромный черный песъ. Само собою, что это были наши знакомцы: Антонъ Синій и его премудрый „шпитонъ“ Губила.

Волоча за собою собаку на веревкѣ, охотникъ неторопливо обошелъ весь базаръ и тогда уже направился къ дому на концѣ площади, гдѣ болтался на длинномъ шестѣ флагъ съ краснымъ крестомъ. Тутъ Антонъ сталъ и началъ рѣшительно стучать въ ворота.

Сначала велъ переговоры съ Антономъ Синимъ простой служитель; потомъ вышла къ нему на помощь какая-то пани въ бѣломъ платьѣ, и, наконецъ, выскочилъ самъ панъ дохтуръ. Но добились толку, когда на помощь всѣмъ имъ вышелъ изъ дома солдатъ съ перевязанной рукой. У этого солдата были длинные хохлацкіе усы, и разговаривать онъ началъ съ Антономъ такъ:

— Здоровенькі були, дядьку! Що кажете?

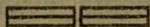
— Здорово! — обрадовался Синій. — Разъяснить, землякъ, тѣмъ москалямъ, что мой песъ раненыхъ шукать може у полі.

И когда раненый разъяснилъ, „ныки“ доктора, сестры милосердія и даже служителя расцвѣли отъ

удовольствія. Попросили Антона показать, что дѣлаетъ его песъ. Губила оказался выдрессированнымъ на-славу. И тогда самъ панъ-дохтуръ милостиво потрепалъ Антона Синяго по плечу.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ этого случая въ конторѣ экономіи только-что получили почту. Молодой баринъ распечаталъ журналъ и вдругъ вскрикнулъ отъ изумленія: въ журналѣ на самомъ видномъ мѣстѣ былъ напечатанъ портретъ Антона Синяго. Бравый охотникъ былъ въ формѣ, а около его ногъ стоялъ Губила съ перевязью черезъ спину съ крестомъ. Внизу была подпись, разсѣивающая всякія сомнѣнія:

„Извѣстный дрессировщикъ санитарныхъ собакъ Антонъ Синій и его лучшая собака Губила“.

Бѣлоглазый.

тъ большой дороги, по сторонамъ которой на нѣсколько верстъ росли двухсотлѣтнія, дуплистыя ветлы, шелъ до деревни прорубленный по косогору среди полей прогонъ. За деревней была усадьба со старымъ паркомъ и четырьмя прудами, раздѣ-

лявшими господскій домъ и хозяйственныя стройки съ людскою избой посрединѣ. По ту сторону пруда, передъ балкономъ были разбиты цвѣтники и росъ густой вишенникъ, который по всей округѣ прозывали „Раемъ“, а по другому берегу, ближе къ мужицкимъ избамъ, дымились по утрамъ большія кучи навоза, валялись груды вялой ботвы свекольника и былъ скотный дворъ, гдѣ жили въ довольствѣ и холѣ красивый сементальскій бычокъ съ семействомъ задумчивыхъ коровъ, романовскія овцы и задира-козель съ желтой бородкой. За скотнымъ дворомъ на открытомъ лугу стояла конюшня. Въ ней жилъ Бѣлоглазый.

Бѣлоглазый былъ степенный, пожилой меринъ и прозваніе свое получилъ оттого, что лѣвый глазъ у него былъ дѣйствительно бѣлый, однако не потому, что на немъ сидѣло бѣльмо, — видѣлъ Бѣлоглазый обоими глазами превосходно.

Что касается біографіи Бѣлоглазаго, то послѣдняя была очень сложная. Начать съ того, что еще не рожденный на свѣтъ своей матерью, худой и мелкорослой крестьянской кобылой со страшно раздутыми отъ плохихъ кормовъ боками, — онъ былъ обреченъ на смерть. Дѣло подходило къ осени, кормовъ у мужика было мало, и какъ только появился Бѣлоглазый на свѣтъ Божій, его захудалый хозяинъ тотчасъ же взялъ его на руки и понесъ на барскій дворъ, чтобы продать на съѣденіе борзымъ собакамъ, жившимъ, къ слову сказать, какъ-разъ напротивъ конюшни, на псарнѣ за каретнымъ сараемъ.

Мужикъ зналъ, что баринъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, собакъ любить и покупаетъ имъ на кормъ старыхъ лошадей. Поэтому, встрѣтивъ его на плотинѣ, онъ поклонился и сказалъ:

— Вотъ, не возьмешь-ли собачекъ своихъ полакомить молодятинкой?..

Ѳеодоръ Ивановичъ хорошо зналъ мужицкую жизнь; понималъ, что жеребенку все равно придется подохнуть; понималъ и то, что будь у мужика хоть какая-нибудь возможность взростить его, онъ ни за что не продалъ-бы его на убой. Хотя бы просто потому, что, всю жизнь работая бокъ о

бокъ съ лошадыю, относился къ ней сердечнѣе, чѣмъ господа или городскіе міряне... Поэтому онъ не сталъ бранить мужика за жестокость, а просто спросилъ:

— Сколько?

— Четвертакъ.

Получивъ деньги, мужикъ поставилъ Бѣлоглазаго на плотину и пошелъ домой. А Федоръ Ивановичъ обнялъ статнаго, съ высокой бабкой жеребчика за гибкую шейку и повелъ къ людской избѣ. Тамъ онъ вытребовалъ парного молока и рожокъ съ соской и сунулъ его въ мягкія губы лошадки. Бѣлоглазый торопливо принялся сосать. И съ тѣхъ поръ жеребенокъ всюду бѣгалъ за новымъ хозяиномъ, дружелюбно тыкаясь въ него мордой. Федоръ Ивановичъ самъ кормилъ его изъ рожка и, какъ великій знатокъ лошадей, слѣдилъ за правильнымъ его воспитаніемъ во всемъ.

Федоръ Ивановичъ былъ большой животнoлюбeцъ, и потому на конюшнѣ всѣ лошади хорошо знали и любили его. Знали его походку и просто какъ-то чувствовали его присутствіе. Самъ онъ выѣзжалъ ихъ всѣхъ, самъ лѣчилъ въ маловажныхъ случаяхъ. И лошади понимали его любовь и заботливость.

Бѣлоглазаго сироту приняли на конюшнѣ хорошо. Поставили его въ отдѣльное стойло, и онъ лежалъ, подобравъ свои тоненькія ножки, на мягкой соломѣ, пощипывая ароматное сѣно. Пришла зима. Бѣлымъ снѣгомъ запорошило и косогоръ, и садъ за прудомъ, и деревню. Рано ложились су-

мерки и въ конюшнѣ шла дремотная жизнь. Лошади звучно жевали сѣно; воздухъ былъ теплый и пахучій, располагающій къ мечтательности.

Когда повѣяло весеннимъ тепломъ, и грязными, но веселыми потоками сбѣжала вода по откосамъ къ пруду, Бѣлоглазый давно уже отсталъ отъ рожка, но все еще продолжалъ бѣгать за Ѳеодоромъ Ивановичемъ, какъ за матерью, нѣжно поталкивая его головой. Проглянула первая изумрудная травка, по вечерамъ стали задавать лошадямъ свѣжую траву вмѣсто сѣна, а Бѣлоглазый, превратившійся въ стройнаго жеребчика, цѣлые дни разгуливалъ по усадьбѣ. Заходилъ пощипать травку въ вишневый „Рай“, обнюхивалъ цвѣты на цвѣтникахъ и, какъ вихрь, носился по лужайкѣ за прудомъ.

Все это было очень давно. Самъ Ѳеодоръ Ивановичъ посѣдѣлъ и сгорбился за это время, а Бѣлоглазый былъ родоначальникомъ многочисленной семьи рослыхъ лошадей. Сыновья, внуки и праправнуки стояли кругомъ него въ стойлахъ, ходили съ нимъ на пристяжкѣ. И были всѣ они крупнѣе и, какъ говорятъ лошадики, ладнѣе его. Однако Ѳеодоръ Ивановичъ всѣмъ другимъ лошадямъ предпочиталъ своего вскормленника. Бѣлоглазаго всегда брали коренникомъ, когда запрягалась тройка, потому что трудно было найти смышленѣе и сильнѣе лошади.

Когда приходилось спускаться съ крутой горы, Бѣлоглазый, упираясь въ дорогу своими сильными, стройными ногами, съ приподнявшимся хомутомъ,

прямо-таки несъ тяжелую коляску на себѣ. Не нужно было ни возжей, ни указаній: умная лошадь, не тряхнувъ, спускала экипажъ до ровнаго мѣста по своему собственному способу. Завидѣвъ мостъ на дорогѣ, Бѣлоглазый убавлялъ ходъ, словно понимая вывѣшиваемую на мостокъ надпись:

„Шагомъ“.

Въ гору неся во весь духъ, зная, что такъ легче, кромѣ того, прекрасно ходилъ подъ верхомъ и отличался большой рѣзвостью и неутомимостью. Не разбирая дороги, скакалъ онъ подъ казацкимъ сѣдломъ на охотѣ осенью, гоняясь за сѣрыми зайцами, волками и лисицами. Ѳедоръ Ивановичъ, заломивъ папаху на затылокъ, носился на немъ, стоя съ рогомъ, арапникомъ и кинжаломъ. И на другой день, проѣзжая въ экипажѣ мимо того мѣста, гдѣ вчера охотился, только плечами пожималъ, удивляясь, что не сломалъ себѣ здѣсь шею вчера на охотѣ.

Притомъ же незамѣнимъ былъ Бѣлоглазый и какъ простая рабочая лошадь на пашнѣ, особенно когда пропахивались огородныя гряды, причемъ изстари полагается:

— Всѣхъ чертей изъ земли повытаскать!

Т.-е. пахать очень глубоко, что въ пору только очень сильной лошади.

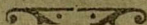
Много морозныхъ бѣлыхъ зимъ промелькнуло надъ головой Бѣлоглазаго. Зеленая весна смѣнялась знойнымъ лѣтомъ, за которымъ шла грязная осень. Многіе изъ потомковъ Бѣлоглазаго давно пали, и трупы ихъ были зарыты въ землю или

съѣдены собаками. Многихъ продалъ Ѳедоръ Ивановичъ въ разныя руки, а Бѣлоглазый все жилъ, постепенно утрачивая силы.

Говорять, что собакѣ собачья и смерть и разумѣютъ подѣ этимъ нѣчто очень нехорошее. Но лошади—лошадиная смерть, и эта послѣдняя куда тяжелѣе и хуже собачьей.

Добрый былъ человѣкъ Ѳедоръ Ивановичъ, но когда Бѣлоглазый совсѣмъ ослабъ и сталъ абсолютно никуда не годенъ, онъ подождать до осени, выгнавъ его изъ конюшни на подножный кормъ въ луга, а осенью, когда кормить приходится дорогимъ овсомъ и сѣномъ, съѣздили въ городъ и вернулся оттуда со скуластымъ человѣкомъ въ круглой шапочкѣ и засаленомъ бешметѣ. И когда вошелъ этотъ человѣкъ въ конюшню, всѣ лошади почуяли его и забились въ стойлахъ, потому что это былъ татаринъ-мясникъ, пахнувшій конской кровью.

Ощупалъ татаринъ бока и ляжки Бѣлоглазаго и отдалъ Ѳедору Ивановичу деньги. Тотъ поцѣловалъ Бѣлоглазаго въ морду; потомъ лошадь бокомъ повалили на телѣгу, связали ей ноги и грубо сорвали съ нихъ подковы. Бѣлоглазый словно понималъ въ чемъ дѣло и грустно смотрѣлъ, уѣзжая по прогону, какъ постепенно исчезали изъ глазъ деревья парка, „Рай“, конюшня и деревня на косягорѣ. А татаринъ сидѣлъ на немъ, дергалъ возжами и мурлыкалъ пѣсню.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

РОДЖЕРСЪ, А. и др. Страшный капитанъ и другіе рассказы. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Ц. 50 к. 2-е изд.

КИПЛИНГЪ, Р. Рассказы. Съ англійскаго. А. Рождественской. Книжка I. Съ рис. Содержаніе: I. Джунгли. 1) Братья Маугли. 2) Охота Коа. 3) Тигръ! Тигръ! 4) Королевскій быкъ. II. Бѣлый тюлень. III. Рикки-Тики-Тави. IV. Маленькій Тумай. 6-е изданіе. Ц. 1 р.

Рождественской. Книжка II. 1) Рассказъ слона. и. 4) Весенняя про- 2-е изданіе. Ц. 80 к.

А. Рождественской.

Рождественской. Раз- уль.—Рождественскій ти Гетто. — Куику- ой дорогъ.—Бунтов-

рассказы. Переводъ и сунками. 2-ое изд.

казъ. Пер. А. Рожде- 10 к.

ицы. Рассказъ. Пер. и въ текстъ. 2-е изд.

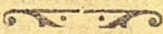

съѣдены собаками. Многихъ продалъ Ѳеодоръ Ивановичъ въ разныя руки, а Бѣлоглазый все жилъ постепенно утрачивая силы.

Говорять, что собакѣ собачья и смерть и разлѣзъ мѣють подѣ этимъ нѣчто очень нехорошее. Но лошади—лошадиная смерть, и эта послѣдняя куда тяжелѣе и хуже собачьей.

Добрый былъ Бѣлоглазый, когда Бѣлоглазый лютно никуда выгнавъ его въ луга, а о рогимъ овсомъ вернулся отъ круглой шапи вошелъ этотъ почуяли его это былъ тат кровью.

Ощупалъ т отдакъ Ѳеодоръ валь Бѣлоглазый повалили на вали съ нихт малъ въ чемъ по прогону, деревья парк согорѣ. А тат жами и мурлыкалъ пѣсню.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

ЕРСЪ, А. и др. Страшный капитанъ и другіе рассказы. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Ц. 50 к. 2-е изд.

НГЪ, Р. Рассказы. Съ англійскаго. А. Рождественской. Книжка I. Съ рис. Содержание: I. Джунгли. 1) Братья Маугли. Охота Коа. 3) Тигръ! Тигръ! 4) Королевскій быкъ. Бѣлый тюлень. III. Рикки-Тики-Тави. IV. Маленькій умай. 6-е изданіе. Ц. 1 р.

Е. Рассказы. Съ англійскаго. А. Рождественской. Книжка II. Съ рисунками. Содержание: I. Джунгли. 1) Рассказъ слона. 2) Местъ Маугли. 3) Рыжія собаки. 4) Весенняя прогулка. 5) Меггеръ изъ Меггеръ-Горта. 5-е изданіе. Ц. 80 к.

Ъ, Джонъ. Жаворонокъ. Рассказъ. Пер. А. Рождественской. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

и др. Сердцемъ чуткіе. Перев. А. Рождественской. Рассказы. Содержание: Вальтеръ Фальконеръ.—Рождественскій подарокъ.—Чудо Пуруна Багата.—Дитя Гетто.—Куику-къ.—Моя первая повѣзка по желѣзной дорогѣ.—Бунтовъ Моти Гюн. 3-е изд. Ц. 75 к.

АГЕНЪ, Ф. и др. Наводненіе и другіе рассказы. Переводъ нѣмецкаго А. Рождественской. Съ рисунками. 2-ое изд. 40 к.

ГОМПСОНЪ. Сѣрый медвѣдь Вабъ. Рассказъ. Пер. А. Рождественской. Съ рисунками. 3-е изд. Ц. 40 к.

ГОМПСОНЪ. Тито. Исторія луговой волчицы. Рассказъ. Пер. Рождественской. Со многими рисунками въ текстѣ. 2-е изд. 40 к.

ный каталогъ книгоиздательства высылается бесплатно.

120 =

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ЮНАЯ РОССИЯ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ

журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

бесплатныхъ приложений.Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой на годъ	15 р. — к.
» » » » на $\frac{1}{2}$ года.	8 » — »
» » » » на $\frac{1}{4}$ »	4 » — »

Редакторъ-Издательница *Е. Н. Тихомирова*

Редація и контора журнала помѣщается въ Москвѣ, на Большой Молчановѣ, домъ № 18.

Адресъ для инокороднихъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Педагогическій Листокъ“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

„Педагогическій Листокъ“ по-прежнему будетъ слѣдить за развитіемъ прогрессивно-педагогической мысли и рациональныхъ методовъ преподаванія, главное же вниманіе удѣлитъ

1. Вопросамъ о созданіи новой народной школы, соотвѣтственной новому политическому и общественному строю жизни и основанной на началахъ свободы и демократизаціи, и

2. Вопросамъ объ организаціи учительства и внѣшкольномъ просвѣщеніи.

Журналъ, какъ и въ прежніе годы, будетъ обслуживать интересы не мѣстные или областные, а интересы всего русскаго учительства и русской народной школы вообще.

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (8 книжекъ въ годъ) на годъ 6 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб., на $\frac{1}{4}$ года 1 руб. 50 коп.Редакторъ-издательница *Е. Н. Тихомирова*.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. 18.